

Jiddu Krishnamurti

Пятой обсуждения в Лондоне

From the series:

XXXXXXXXXXXX X XXXXXXXXXX 1965 XXXX

XXXXXXXXXXXX

Сегодня вечером мне хотелось бы, если бы я мог, поговорить об изменении и медитации. Я уверен, что человек задавал уже себе вопрос – изменяется ли он вообще? Я знаю, что внешние обстоятельства изменяются: мы женимся, разводимся, у нас имеются дети; есть смерть, лучшая работа, давление новых изобретений и т. д. Внешне имеет место потрясающая революция в кибернетике и автоматике. Человек должно быть спрашивал себя – возможно ли вообще изменение не в отношении внешних событий, не изменение, являющееся простым повторением или видоизмененным продолжением, но радикальный поворот, полная мутация ума? Когда он осознает, поскольку человек должно быть заметил по себе, что действительно он не изменяется, он становится страшно подавленным или убегает от себя. Итак, возникает неизбежный вопрос: может ли изменение вообще иметь место? Мы возвращаемся к тому времени, когда были юными, и это возвращается к нам снова. Есть ли вообще изменение в человеческом существе? Изменились ли вы вообще? Вероятно, были изменения на поверхности, но глубже, радикально – изменились ли вы? Вероятно, нам не хочется изменяться, потому что это так удобно. У нас есть правительство, которое следит за нами, благоденствующее государство, гарантированная работа, пенсия по старости и т. п.: поэтому, вероятно, нет побуждения к изменению. А когда есть побуждение к изменению – это изменение в поле известного.

Мне хотелось бы выделить для вас этот вечер – возможно ли вообще нам добиться истинной революции. Я не говорю об изменениях от дома к дому, от страны к стране, или перехода из одной формы религиозной приверженности к другой: это не изменение вообще. Я говорю о глубокой психологической мутации, трансформации, новом уме, совершенно ином существовании, которое вне времени.

Необходимо слушать не сентиментально, не враждебно, не сомневаясь или спрашивая, но просто слушать для того, чтобы открыть для себя искусство познания себя. Это действие слушания,

вероятно, выявит, что в нашей жизни вообще нет изменения. Мы движемся такие, как есть, слегка неудовлетворенные, подавленные, одинокие, печальные, идем к старости, полной печали, с нерешенными проблемами, и такова наша жизнь. Большинство из нас привыкло ко всему этому, наши умы становятся вялыми, тяжелыми, тупыми. Мы принимаем неизбежное и потому страшно устаем от жизни, ее рутины и ее явной абсолютной бессмысленности. Или мы изобретаем цель, значение, и в соответствии с этим значением и целью пытаемся осуществить образец существования; но это еще, как видно, не изменение вообще.

Итак, изменились ли мы **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО**? Есть ли вообще изменение? И если мы изменились, является ли это движением, которое не во времени? Изменение в пространстве, времени, созданным мыслью, или сложенных мыслью вместе, не является изменение вообще. Потому что изменение, осуществимое через действие воли, которое является промежутком между тем что я есть и чем я буду все еще в поле времени.

Я хочу измениться. Я вижу, что я ужасно несчастен, подавлен, уродлив, вспыльчив, со случайными вспышками чего-то более, чем обычного результата побуждения; и я тренирую волю, чтобы что-то с этим сделать. Я говорю, что должен быть шаг; должен бросить эту проблему, ту причину; должен думать иначе; действовать иначе; должен быть более тем и менее этим. Человек прилагает потрясающее усилие и после всего этого он все еще дрянной, подавленный, уродливый, жестокий, без какого-либо признака достоинства. Поэтому он спрашивает себя затем – есть ли изменение вообще? Может ли человеческое существо измениться? Изменяясь во времени, как видно, – это не изменение.

Я хочу быть мирным, хочу быть спокойным, внутренне молчаливым, сознательным, интеллектным, жизненным; я хочу иметь чувство прекрасного, – и я стремлюсь ко всему этому. Это стремление становится усилием и я никогда действительно не становлюсь тем, чем хочу быть. Я всегда ищу этого. Поэтому, через несколько лет, или месяцев, или дней человек бросает все это и возвращается к старому образу жизни. Он подавлен, он становится циничным, раздражительным, начинает пить или становится набожным, или делает что-нибудь в этом роде. Или он идет к психоаналитику и исследует бессознательное, занимая на это месяцы и годы, если у него есть деньги. Мы так поступаем, бесконечно, с ужасным чувством страха, алчности, или опасения, пока в отчаянии не умираем. Мы очень близко знакомы со всем этим. Поэтому человек задается вопросом: «Как можно измениться без всего этого процесса, и неожиданно обнаружить себя в новом измерении?».

Как мы говорили в прошлый раз, «как» – это беспорядок; беспорядок возникает из постановки вопроса: «Как мне перескочить от этого к тому; как мне осуществить изменение в себе столь фундаментально, чтобы иметь совершенно новый ум, чтобы стать новым челвоеком?». Ученые говорят о природе нового человека с новым умом. Я не знаю, что они имеют в виду и меня это не заботит. Меня заботит, если я вообще заинтересован, не грядущее поколение, не то, что случится в ближайшие сто лет, или двадцать, или завтра, но то, чем я **ЯВЛЯЮСЬ** сейчас, и возможно ли изменить и разрушить это беспомощное безнадежное существование, не имеющее смысла. Поэтому я спрашиваю себя: «Как мне это сделать?».

Теперь очень важно понять «как», когда мы задаем себе «как» – это предполагает время, практику, метод, систему, образец для подражания и стремления; поэтому это вовлекает время, а время – расстояние между мною как я есть и каким мне следует быть, или чем-то, каким я не могу себя представить. Это предполагает пространство; потому, чтобы перекрыть это расстояние, необходимо время: секунда, день или даже год. Когда мы спрашиваем «Как?» и ищем метод, мы полагаем, что следуя системе, методу, шаблону, дисциплине, порядку, мы можем забыть все прочие давления, существующие вокруг нас, что всегда воздействует и видоизменяет. Всегда есть соревнование,

борьба, конфликт, вопрос; и потому «как» по сути осуществляет беспорядок. Человек должен быть полностью свободен и понимать все это. «Как» предполагает либо возвращение к старому образу, либо создание нового и следование ему; отсюда борьба между тем, что я есть и чем должен быть.

Итак, это глупо с моей стороны задавать вопрос: «Как мне сделать ЭТО, как мне измениться?». Конечно, если человек будет слегка невравнеником, слегка неуравновешенным, он отправляется к разным психоаналитикам. Вероятно, он немного изменяется и приспособливается к обществу, которое всегда в упадке. Нас не интересует случай с неуравновешенными людьми.

Итак, как же, – я пользуюсь этим «как» просто как вопросительным, – как же найти себя в этом? Я полагаю, что здесь приближается вопрос о медитации. Я не говорю о медитации как о методе, она не имеет чего бы то ни было общего с методом, потому что метод – это «как», а мы отбросили это как неподходящее, незрелое, юное. Если поставить вопрос иначе – любое изменение во времени не является изменением. Мы говорим о фундаментальном изменении, фундаментальной, коренной мутации, поэтому ум должен открыть новое движение, которое вне времени. Вне движения ума – во времени – как мысль, как наслаждение, и длительность наслаждения. Я знаю это время и вижу, что в нем невозможны никакие изменения. Должно быть движение, не принадлежащее этому времени.

Я вижу, что время, которое построило, сложило ум и мысль, это движение, которое растит печаль, наслаждение, отрицание, у него собственное движение, собственное развитие, оно растет и приходит в упадок. Я это очень хорошо знаю. Ум не может управлять этим движением. Должно быть движение иного происхождения и ум должен найти его, движение не этого времени, но совершенно иного – если я могу использовать слово «время» для обозначения движения, которое не запятнано психологическим временем, известным мне. Должно быть время не имеющее ни начала, ни конца. Это движение, не принадлежащее ни к какому измерению вообще. Это предположение. Когда я говорю «должно быть» – это предположение. Поэтому я направлюсь к этому. Я хочу найти это время, я следую за ним. Это требует повышенной чувствительности, поэтому я играю с наркотиками, с любым методом возбуждения, в надежде ухватить его и, ухватив, – повторить образец.

Так я вижу, что ЛЮБОЕ движение ума должно быть всегда во времени. Однако, мой ум бродит, чрезвычайно активный, строя идеи и видения, борясь, пытаюсь сконцентрироваться, пытаюсь быть сдержанным; он постоянно в движении, и потому делает чрезвычайные усилия быть спокойным. Это усилие, эта дисциплина, это следование шаблону в надежде достичь тишины обычно называют медитацией, – что, конечно, слишком абсурдно, слишком по-детски.

Однако, я вижу, что ум должен быть необычайно спокойным, потому что я знаю, что движение в любом направлении, на любом уровне, – движение к Богу, движение к миру – ЛЮБОЕ движение ВСЕГДА во времени. Вы понимаете проблему? Вот он я – с весьма здоровым, весьма рационалистическим умом, здоровым – и он ХОЧЕТ измениться. Он должен измениться. Мой образ жизни слишком глуп, слишком неинтеллигентен: он не имеет смысла. Потому ум говорит: «Я ДОЛЖЕН измениться», и пытается постепенно измениться. Он отвергает этот способ, если он интеллигентен: он говорит: «Это слишком абсурдно». Я только повторяю и повторяю видоизмененный образец. Он видит, что есть возможность изменения – совершенное спокойствие; поэтому он старается быть спокойным, что опять-таки находится в границах времени. Он должен измениться немедленно или вообще не измениться.

Я не могу смотреть в завтра, я не могу практиковаться, у меня нет времени для дисциплины или следования образцу, который предположительно принесет мне мир, или это чувство безмолвия. При понимании всего этого мой ум становится удивительно чувствительным и инертным,

чрезвычайно сознающим себя. Трудность этого в том, что когда вы отвергнете время, в том смысле, который мы вкладываем в это слово, ВСЕ движение – сознательное и бессознательное в любом направлении – приходит к концу.

Могу ли я продолжать по этому вопросу?

В.: Да, да.

К.: Нет, нет. Вы ПОСТУПАЕТЕ так, действительно внутренне следуя или вы просто следите за словами? Потому что это требует чрезвычайного, не переживающего ума, который полностью одинок, потому что понял одиночество, его собственное одиночество и изолированность, его деятельность, исходящую из него самого, которая воздвигает вокруг него стены, его моральные основы, которые по сути безнравственны, его достоинства – которые вовсе не являются таковыми, но всего лишь приспособление к шаблону. Он покончил с честолбием, алчностью, завистью и всеми вытекающими последствиями таковых: наслаждением, чувством власти, превосходством; иначе он не может продвигаться. Очень важно, как человек кончает все это. Если он говорит: «Я это сделаю постепенно», то это не имеет ценности. Они должны отпасть немедленно, без какого-либо усилия.

Давайте рассмотрим привычку курения и привычку зависти. Курение дает вам определенное чувство наслаждения, какое-то занятие вашим рукам, каждый совершает это, это принято в обществе. Можете вы бросить это НЕМЕДЛЕННО, ПОЛНОСТЬЮ, не тренируя волю, без повода? Если вы не можете, вы уловлены временем, и потому нет освобождения от этой привычки.

Зависть глубоко внедрилась в большинство людей. Она принимает многочисленные формы, не только зависть к человеку более интеллектуальному, более знаменитому, но также зависть, которая всегда сравнивает. Для нее «больше» – важно: больше учености, больше информации, соревнование, попытки бороться, попытки понять, попытки стать интеллигентным, попытки найти Бога, совершить то или иное – вечно больше, больше: не только большие и лучшие ванны и холодильники, но психологически больше. Может человек понять смысл ее мгновенно и отбросить без анализа, без поисков причины зависти, в которые мы уходим: не позволяя времени вмешиваться в это вообще, и потому прекратить ее немедленно.

Закончить это, эту привычку немедленно – очевидно, для этого должно быть чувство осознания. Вы должны знать, что вы делаете своими руками. Вы должны осознать, как глубоко внедрилась эта зависть, осознать без осуждения, без выбора: с осознанием, которое просто видит и действует. Оно только тогда может видеть и действовать мгновенно, когда оно осознает весь смысл зависти и понимание ее. Строение – суть не от времени. Вы можете увидеть это МГНОВЕННО.

Я не знаю, вникали ли вы в сущность состояния осознания и его значение. В нем нет ничего таинственного, вам не нужно упражняться в этом. Оно начинается с внешних вещей: осознание деревьев, людей, цвета, шума, бесконечной болтовни, вешних побегов, формы комнаты и ее цвета, – начинаете с этого и плывете на этом приливе: войдите – выйдите. Вы тогда только можете подниматься с этим приливом, который поднимается, когда нет выбора, нет сравнения, нет осуждения. Просто плыть с ним. Из этого происходит физический порядок, который, очевидно, необходим. Физический порядок аскетичен. Для большинства из нас аскетизм жесток, это результат дисциплины, отказа, жертвы, согласования; а потому, когда есть дисциплина, согласование, принуждение – он становится насилием; и обычно весь аскетизм – это отказ от привязанности, но когда человек глубоко осознает слова, мысли, все построение ума, тогда появляется порядок. У человека должен быть порядок, потому что это сущность добродетели. Не важно – какая у вас есть одежда, или сколько у вас домов, или вообще у вас нет жилья, а только набедренная повязка. Из этого аскетизма исходит простота – не вещей, не одежды, но внутренняя. Потому ум

упорядоченный – очень здоров и у него нет иллюзий, – только время творит иллюзии, как мысль. Тогда нет движения и это есть безмолвие.

Тогда все это – медитация. Не важно, где вы находитесь. Вы можете проделать это, когда вы едете в автобусе. Вам не нужно для этого принимать специальную позу, глубоко дышать; все это имеет очень мало значения, потому что глупый ум может сидеть очень прямо и неопределенно долго упражняться дыханием; и при этом оставаться тупым, и его Боги также будут глупы.

Мы говорим о медитации, которая является естественной. Если человек далеко продвинулся в этом, он узнает для себя – нет, он БЫ НЕ узнал для себя. Ум, сознающий себя безмолвным, не является безмолвным. Это переживающий ум, а потому есть наблюдатель, переживающий и переживаемое. Когда переживающий переживает безмолвие, это НЕ безмолвие, потому возникает вопрос: может ли переживающий прекратить быть немедленно? Чтобы понять это, необходимо понять наслаждение, что мы пытались сделать прошлый раз. Вы можете видеть, что придает длительность наслаждению: это мысль, размышление о нем. Я получаю удовольствие от одного и другого и думаю об этом, при этом я дал силу, жизненность и питание тому, что было приятно. Если бы мысль не дала удовольствие длительности, ему бы немедленно пришел конец. Вы не можете отвергать реакцию, но давая ей длительность в форме наслаждения или боли, осуществляете длительность времени.

Сомнение и тщеславие ушли. Ум становится необычайно спокойным, а также тело, нервы и сами мозговые клетки. У большинства из нас мозговые клетки функционируют только по определенным линиям, в специальных бороздах, которые мы постоянно используем как память, как повседневность, причины, реакции – известные извилины. Поэтому ум становится все более ничтожным, тупым, усталым – сам мозг и его отдельные ячейки. Я не знаю, наблюдали ли вы такое явление. Я могу говорить ненаучным языком, но вы знаете, о чем я говорю. Такой мозг необходимо активизировать, он должен стать потрясающе активным; а чтобы осуществить эту могучую активность, необходимо осознавать все, что человек делает.

Тогда ум, мозг, нервы, тело – все будет полно энергии, потому что ум осуществил порядок, а поскольку он осуществил порядок, он добродетелен – а не та глупая вещь, называемая добродетелью. У человека есть порядок, и он прошел через осознание без какого-либо чувства конфликта.

До настоящего времени мы использовали время, и это все, что мы знаем; время как удовольствие, как боль, как движение для осуществления перемены и т. д. Психологически я использовал время для того, чтобы стать чем-то, чтобы измениться, чтобы установить лучшие взаимоотношения с женой, с соседями, с мужем. Если есть понимание этого, то есть и полное отрицание, не частичное; полное отрицание всего этого времени. Не физического времени, потому что вы будете опаздывать на поезд или автобус, если отвергнете физическое время.

Существует потрясающий порядок вследствие того, что ум отверг психологическое время, и ум приходит естественно в состояние, где нет никакого движения, потому что он более не переживает себя как движение или неподвижность. Он безмолвен, потому что обладает гигантской энергией, потому что он чрезвычайно активен – не СОВЕРШАЯ что-то, не следуя чему-то, не пытаясь преобразовать. У него нет движения, он полностью спокоен; и потому будучи активен, он полон энергии без движения, без перемещения. Что же тогда имеет место? В этом спокойствии, которое наполнено энергией, в полном спокойствии ума происходит взрыв, и этот взрыв – движение в ином измерении времени.

В конце концов, что такое творчество? Я не говорю о способности рисовать, или таланте писателя, или способности проводить великие исследования и изобретать. Я вовсе не имею ввиду этот тип

творчества. Все это хорошо.

В.: Вы имеете в виду существование или жизнь?

К.: Я спросил: «Что есть творчество?» потому что большинство из вас – второстепенные люди. То, что мы творим, осуществляем, выражаем – все это еще из вторых рук. Вы можете быть замечательным живописцем, хорошо известным, продающим свои картины за немислимую цену, но разве ЭТО творчество? Разве это выражение творческого ума? Однако, каждый жаждет выразиться. Если у вас есть талант, вы внезапно выражаете его. Если вы второстепенный писатель, вы это выдаете. Мы думаем, что мы очень творческие люди, но ВСЕ это – не творчество. Мы не знаем – что такое творчество. Творчество – это то, что может выразиться в каждый момент. Мой ум не только второстепенен, нечто жившее два миллиона лет, но в нем нет ничего нового. Если у меня есть талант художника, я пытаюсь найти новое выражение: без рук, с одним глазом, или нечто подобное – беспредметная живопись и т. д., далее, далее, – но внутренне нет ничего нового. И пока ум не обнаружит этого, он должен жить в однообразии, в скуке и повторении.

Творчество очень важно, и чтобы взрываться в этом творчестве, ум должен быть совершенно спокоен, вся энергия должна БЕЗДЕЙСТВОВАТЬ. Это похоже на чайник, в котором кипит вода: если нет выхода пару, то чайник взрывается. И только тогда есть нечто совершенно новое.

В.: Если я могу предложить, Кришнаджи, мне кажется, мы все потенциальные боги.

К.: Нечего к этому добавит. Вы понимаете, мадам, мы можем БЫТЬ БОГАМИ, может быть начнем, быть тем или иным. Индийцы, индусы имеют чудесную систему для всего этого: но этого недостаточно. Сейчас имеет значение то, что я есть в ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ, – мое состояние как буржуа, с второстепенным умом, с моими жалостями, алчностью, ссорами, предрассудками и раздорами, мое страдание, отчаяние, надежды и все ТАКОЕ. Я могу вообразить себя чем-то ПРЕДПОЛАГАЕМЫМ, но это «предполагаемое» – не факт. Каждый день меня раздирают на клочки мои мысли. Я подавлен и хочу изменить это ПОЛНОСТЬЮ, и это все. Что же случается после этого, когда происходит такое могучее, радикальное изменение, вы обнаружите сами.

В.: Если когда-то был взрыв, вы захотите его повторения.

К.: Взрыва нет, если есть переживающий. Полная остановка. Поэтому я и объяснял это так тщательно.

В.: Сэр, если нет усилия, если нет способа, тогда любое перемещение в состоянии осознания, любой сдвиг в новое измерение должны быть совершенно СЛУЧАЙНЫМИ СОБЫТИЯМИ, а потому не зависящими от чего-либо из сказанного вами по этому вопросу.

К.: О, нет, сэр. Я не говорил этого /смех/. Я говорил, что необходимо быть сознательным. Будучи сознательным, человек понимает, как он обусловлен: как хинди, буддист, как христианин. Я обусловлен как националист: англичанин, немец, русский, индеец, американец, китаец. Я обусловлен. Мы никогда не охватываем ЭТОГО. То, что мы есть – мусор и мы надеемся, что из него произрастет что-нибудь прекрасное, но боюсь, что это невозможно. Быть сознательным ничуть не означает случая, чего-либо безответственного и неопределенного. Если человек понимает смысл осознания, его тело не только становится крайне чувствительным, но вся его сущность активизируется: ей дается новая энергия. СДЕЛАЙТЕ это, и вы поймете. Не сидите на берегу, размышляя о реке: прыгните в нее и последуйте течению этой сознательности и обнаружите сами, как чрезвычайно ограничены наши мысли, наши чувства и наши идеи. Наши представления о Богах, спасителях и мастерах – все это становится таким очевидным, таким инфантильным.

В.: Это производит совершенно неизвестный род ума.

К.: Это именно так, сэр. Это производит совершенно неизвестное состояние ума.

В.: Человек вообще не уверен, является ли это внешним или внутренним.

К.: Определенно существует внешнее. О внешнем нет неопределенности.

В.: Неопределенно, является ли сознание внешним или внутренним.

К.: Есть внешнее: лампа, деревья, дома – я вижу эти вещи. Есть тело, я вижу внешнее. Но мы не знаем, что за внешним, что внутри дома. Поскольку единственное, чего мы хотим, это произвести больше уверенности, мы боимся неопределенного. Мы только хотим безопасности: именно поэтому мы так хорошо знакомы с тем, что мы знаем, и почему мы держимся. Чтобы какое бы то ни было творчество имело место, разве не должна быть пустота, которая является пространством? Вы не можете быть гарантированы и уверены, что в этом пространстве ничего не случится. Это именно то: мы так боимся быть одни. Можно понять, что человек не может жить в полной ненадежности, физически. У человека должна быть пища, одежда и кров. Это приятно, мы даже не будем обсуждать это. Но чтобы гарантировать пищу, одежду и кров для каждого, внутренний хаос должен прекратиться. Нас не могут разделить на национальности – весь этот глупый обман. Мы хотим внешней безопасности, не делая ничего внутренне: и когда есть внешняя безопасность, как это происходит в тех или иных странах, ум скоро начинает загнивать. Люди совершают самоубийства, существует насилие и преступность, взрослая и детская; всевозможные формы развлечений и увеселений, – вы знаете, что происходит. Потому необходимо иметь необычайное чувство alertности и сознательности, не нечто смутное и иррациональное, но весьма конкретное.

В.: Сэр, то, что вы говорите, может быть только гипотезой для того, кто не исследовал то, что исследовали вы.

К.: Разумеется, сэр, разумеется.

В.: А для того, кто знает это состояние осознания, это ничего не добавит. Поэтому почему же вы продолжаете говорить, сэр? /смех/.

К.: Почему я продолжаю говорить? Прежде всего, это не оттого, что я получаю «толчок» от разговора. Когда человек обращается к аудитории, небольшой, как эта, или большой, как это обычно бывает в Индии, трудно не получить «толчок» от нее, не почувствовать себя чрезвычайно важным. Я нет. Вы можете сказать: «Откуда вы знаете, что вы не подвержены этому?» /смех/. Потому что я исследовал это. Я прекратил беседу, пронаблюдал за собой, и увидел, что никогда не получаю «толчка» из этих бесед с людьми. Никогда. Поэтому это не чрезвычайная важность. Тогда может это – чтобы помочь людям? Доставлять удовольствие слушать. Это, может, помогает людям? Нет. Это подразумевало бы форму тщеславия: «Я знаю, а вы нет, поэтому, давайте, я вас научу». Тогда будет взаимоотношение учителя и ученика, вождя и последователя, что отвратительно. Это Гитлер и его дело, религиозное или политическое. Это также не то. Также это не развлечение, не занятие для удовлетворения или выполнения, ни для того, чтобы помочь людям, с которыми разговариваешь. Если вы не поможете себе, никто не поможет вам. Тогда может это для самовыражения – как у поэта или художника? Нет. Когда человек отвергает все это, что остается?

В.: Ничего /смех/.

К.: Пожалуйста, это очень серьезно: это не развлечение.

В.: Общение.

К.: Нет, это меня не заботит. Тот человек спросил: «Почему ВЫ ГОВОРИТЕ?»

В.: Сэр, вы говорите потому, что ваш друг просит вас об этом?

К.: Нет.

В.: Потому, что люди хотят слышать вас?

К.: Это, если они ХОТЯТ. Нет, сэр. Когда вы пользуетесь аудиторией для собственного удовольствия, когда говорите не для того, чтобы помочь людям, с тем, чтобы почувствовать себя помогающим, творщим добро – отбросьте все это, что у вас останется?

В.: Любовь.

К.: О, подождите немного, подождите. Любовь. Вы предполагаете это из любви?

В.: Да.

К.: О, Боже! /смех/. Нет, сэр. Вы задаете вопросы. Не имеющие значения.

В.: Может, вы хотите поделиться этим?

К.: Что это означает? Вы предполагаете, что человеку следует эксплуатировать людей, используя аудиторию, казаться, что ты хочешь помогать им и таким образом стать важным? Все это известно: помощь, услуга, добродетель. Когда вы видите абсурдность всего этого – что тогда остается? Когда вы СДЕЛАЕТЕ это, задайте вопрос. Спросите тогда. Но если бы вы ПРОДЕЛАЛИ все это, вы бы не задавали вопроса. Тогда наше взаимоотношение было бы совершенно иное.